

- [Бунин Иван Алексеевич](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Бунин Иван Алексеевич

Захар Воробьев

И. А. Бунин

Захар Воробьев

На днях умер Захар Воробьев из Осиновых Дворов.

Он был рыжевато-рус, бородат и настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было показывать. Он и сам чувствовал себя принадлежащим к какой-то иной породе, чем прочие люди, и отчасти так, как взрослый среди детей, держаться с которыми приходится, однако, на равной ноге. Всю жизнь, - ему было сорок лет, - не покидало его и другое чувство - смутное чувство одиночества в старину, сказывают, было много таких, как он, да переводится эта порода. "Есть еще один вроде меня, - говорил он порою, - да тот далеко, под Задонском".

Впрочем, настроен он был неизменно превосходно. Здоров на редкость. Сложен отлично. Он был бы даже красив, если бы не бурый загар, не слегка вывороченные нижние веки и не постоянные слезы, стеклом стоявшие в них под большими голубыми глазами. Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, так и хотелось потрогать ее. Он часто, с ласковостью гиганта, удивленно улыбался и откидывал голову, слегка открывая красную, жаркую пасть, показывая чудесные молодые зубы. И приятный запах шел от него: ржаной запах степняка, смешанный с запахом дегтярных, крепко кованных сапог, с кисловатой вонью дубленого полушубка и мятным ароматом нюхательного табаку, он не курил, а нюхал.

Он вообще был склонен к старине. Ворот его суровой замашной рубахи, всегда чистой, не

застегивался, а завязывался маленькой красной ленточкой. На пояске висели медный гребень и медная копаушка. Лет до тридцати пяти носил он лапти. Но подросли сыновья, двор справился, и Захар стал ходить в сапогах. Зимой и летом не снимал он полушубка и шапки. И полушубок остался после него хороший, совсем новый, зелено-голубые разводы и мелкие нашивки из разноцветного сафьяна на красиво простроченной груди еще не слиняли. Бурый котик, - опушка борта и воротника, - был еще остист и жесток. Любил Захар чистоту и порядок, любил все новое, прочное.

Умер он совсем неожиданно.

Было начало августа. Он только что отмахал порядочный крюк. Из Осиновых Дворов прошел в Красную Пальну, на суд с соседом. Из Пальны сделал верст пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни, у которой снимал он землю. Из города приехал по железной дороге в село Шипово и пошел в Осиновые Дворы через Жилое: это еще верст десять. Да не то свалило его.

- Что? - удивленно и царственно-строго сказал бы он своим бархатным басом. - Сорок верст?

И добродушно добавил бы:

- Что ты, малый! Да я их тыщу могу исделать.

Был первый Спас. "Хорошо бы таперь для праздничка выпить маленько", - шутя сказал он в Шилове знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мелом вокзалу, который, как всегда летом, ремонтировали. "Что ж не пьешь? Кстати бы и мне поднес", - ответил кучер. "Не на что, протратился, и так в грузовом вагоне ехал", - сказал Захар, хотя деньги у него были. Кучер подмигнул приятелю, уряднику Голицыну. Пристрял шиповский мужик, пьяница Алешка. И все четверо вышли из вокзала. Захар и Алешка пошли пешком, кучер сел в тележку,

запряженную парой, - он выезжал за Петрищевым, да тот не приехал, - урядник на дрожки-бегунки. И Алешка тотчас затеял спор. может ли Захар выпить в час четверть?

- А с закуской? - спросил Захар, широко шагая по сухой земле, изрезанной колеями, возле высокой кобылы урядника и порой осаживая вниз оглоблю, поправляя косившую упряжь.

- Можешь требовать чего угодно на полтинник, - сказал кучер, человек недалекий, сумрачный.

- А проспоришь, - прибавил Алешка, оборванный мужик с переломленным носом, - а проспоришь, за все втрое отдашь.

- Нехай будя по-вашему, - снисходительно отозвался Захар, думая о том, чего спросить на закуску.

Он не только не устал от путешествия в Пальну, - где дело кончилось превосходно, миром, - не только не истомился, промучившись в городской жаре двое суток, но даже чувствовал подъем, прилив силы. Ему всем существом своим хотелось сделать что-нибудь из ряда вон выходящее. Да что? Выпить четверть - это не бог весть какая штука, это не ново... Удивить, оставить в дураках кучера - невелик интерес... Но все-таки на спор пошел он охотно. И, принявшись за еду и питье, сперва наслаждался едой, - есть очень хотелось, каждый кусок был сладок, - потом своим рассказом о суде.

Был жаркий день. Но вокруг села, в просторе желтых полей, покрытых копнами, было уже что-то предосеннее, легкое, ясное. Густая пыль лежала на шиповской площади. Площадь отделяют от села дровяные склады, булочная, винная лавка, почтовое отделение, голубой дом купца Яковлева с палисадником при нем и две лавки его в особом срубе на углу. Возле черной лавки ступеньками навален сосновый тес. Сидя на нем, Захар пил, ел, говорил и смотрел на площадь, на блестящие под солнцем

рельсы, на шлагбаум горбатого переезда и на желтое поле за рельсами. Алешка сидел рядом с ним и тоже закусывал - подрукавным хлебом. Урядник скучный, запыленный человек с подстриженными усами, в обтрепанной шинели с оранжевыми погонами - урядник и кучер курили, один на дрожках, другой в тележке. Лошади дремали, терпеливо ждали, когда прикажут им трогаться. А Захар рассказывал.

- Чем дело-то кончилось? - говорил он. - Да ничем. Помирились. Я этих судов, пропади они пропадом, сотроду не знавал, ни с кем не судился. Мне сам батюшка- покойник заказывал эти свары. А тут и сварато вышла пустая. Бабы повздорили, а мы сдуру ввязались...

Он уже выпил бутылки три - из деревянного корца, который достал на дворе Яковлева Алешка; он делал свое дело столь легко, будучи столь уверенным в себе, что даже не замечал того, что делал. Кучер, урядник и Алешка из всех сил прикидывались спокойными, хотя душа каждого из них горячо молила бога, чтобы Захар упал замертво. А он только расстегнул полушубок, чуть сдвинул шапку со лба, покраснелся. Он съел две таранки, громадный пук зеленого луку и пять французских хлебов, съел с таким вкусом и толком, что даже противники его дивились ему, и оживленно, чуть насмешливо говорил:

- А на судах этих чудно! Я и итить-то туда не хотел. Слышу - подал прошение. Ну, подал и подал, не замай, а я, мол, не пойду. Только вдруг приезжает в Пальну начальство, присылает за мной сам заседатель. Ах, пропасти на тебе нету! Ничего не поделаешь - надо итить. Взял хлебушка, попер. Жара ужасная, пыль по дороге как пыс, альни итить горячо. Ну, однако, прихожу. Шел дюже поспешно, являюсь...

Держа пустеющую бутылку под мышкой, он цедил в темный корец светлую влагу, наполнял его до краев и,

разгладив усы, припадал к ней, пахнувшей остро и сытно, влажными губами; тянул же медленно, с наслаждением, как ключевую воду в жаркий день, а допив до дна, крякал и, перевернув корец, вытряхивал из него последние капельки. Потом осторожно ставил бутылку возле себя. Кучер не спускал с нее своих угрюмых глаз; урядник, уже передвинувший тайком стрелку часов на целую четверть вперед, тревожно переглядывался с Алешкой. А Захар, поставив бутылку, брал две- три стрелки лука, ломая, забивал их в большую деревянную солонку, в крупную серую соль, и пожирал с аппетитным, сочным хрустом. Глаза его налились кровью и слезами, казались страшными. Но он улыбался, грудной бас его был звучен, ласков, приятно-насмешлив.

- Ну, являюсь, - говорил он, прожевывая и раздувая ноздри. - Вижу, на улице везде народ, под лозинкой в холодке сидит заседатель в майском пинжаку, с русой бородкой, на столике книги усякие, бумаги, а рядом, - Захар повел рукой налево, - урядник что-й-то записывает красным осьмигранным карандашиком. Вызывают хрестьянина Семена Галкина, обуховского. "Семен Галкин!" - "Здесь". - "Поди сюда". Подходит; начинают допрашивать. А он на урядника и не глядит, достает грушу из кармана, стоит, ест. Урядник приказывает: "Кинь грушу!" Он не слушается, доедает...

- По морде бы его этой грушой, - сказал кучер.

- Верно! - подтвердил Захар, разламывая седьмую, последнюю булку. - Стоит и лопает! Обращается заседатель к уряднику. "Вот, говорит, господин урядник, этот самый хрестьянин Семен Галкин, когда я прошлый раз с описью приезжал, отказался платить по исполнительному листу сорок восемь рублей восемь гривен, а когда я хотел описать какой есть его лесишко и анбар, то, говорит, этот самый Галкин со своими дружьями, двумя братьями Иваном и Богданом, сели на

дерева, на бревна эти возле избе, и не дозволили мне совершить опись. А когда я взошел к нему в избу, то он будто невзначай спросил у своей жаны, где тут у нас безмен, что было сказано про меня, и я это принял на свой счет, а Богдан тем временем подошел к окну и с косой на плече, когда косить ему нечего было, все давно скошено. А как я был один, то принужден был удалиться. Вот извольте спросить его жану Катерину и мать Феклу и показания от ней занести в протокол. А еще в опросный лист занесите показанье церковного старости, хрестьянина Федота Ливонова. А еще, что сельский староста Герасим Савельев в этот день пропал без вести и на мои требования не явился, а когда я уходил от Галкина к Митрию Овчинникову, иде был мой мерин, и проходил мимо его избе, то он притравил меня кобелем, а сам спрятался за ворота, что я заметил очень хорошо, и посвистывал, да, слава богу, так случилось, что кобель меня не поранил, хоть кидался прямо на грудь, сигал как бешеный, все благодаря Митрию, который выскочил с кнутом и тем меня оградил..."

Захар, увлекаясь ладностью своего рассказа, точно прочитал последние слова. Без передышки, звучно и твердо передав заявление заседателя, он хотел было продолжать, но Алешка не вытерпел и крикнул:

- Потом доскажешь! Пей! Урядник, глянь-ка на часы-то.

- Успеется, успеется, - ответил урядник и подмигнул Алешке.

Но не заметил этого Захар.

- Да не гамазись ты, черт курносый! - гаркнул он добродушно. - Дай доказать-то! Я свою время знаю, - выпью, не бойся!

Ноги его твердо стояли на краюшках кованых каблуков, - он с гордостью выставил сапоги и порою без нужды подтягивал голенища, - лицо было красно, но

еще не пьяно. Преувеличенно-низко раскланявшись с мужиком, проехавшим мимо в пустой телеге и внимательно оглядевшим его, он шумно, через ноздри дохнул, взял обеими руками борты жаркого полушубка, двинул ворот назад и продолжал, наслаждаясь яркостью картины, занявшей его воображение, игрой своего ума.

- "Катерина Галкина! - громко, грудью говорил он, изображая всех в лицах. - К допросу. Подойди поближе!" Подходит. "Слышала, что господин заседатель сказали?" "Слышала..." А сама плачет, заикается, ничего толком рассказать не может. "Правда ли, что твой муж безмен про господина заседателя упомянул?" - "Я, говорит, этого ничего знать не могу. Хотел муж беты вешать". - "Значит, ты от этого отказываешься?" - "Ничего про эти дела не знаю. Федька всему первый полководец. Его опросите - и дело к развязке, и греха меньше..." Кличут сейчас старуху Феклу. А старуха сухоногая, дерзкая, отвечает - ноздри рвет. "Имушество, говорит, моя, за сына я не плательщица, по правам покойного мужа всем владаю, а у сына ничего нету, одни портки". - "А сын-то чей же?" - "Мой". - "А раз сын твой, и толковать нечего, за неплатеж имушество отвечает. Ступай, не разговаривай, а за дерзкий ответ посажу тебя в арестанку на двое суток на хлеб, на воду..." Угомонил, значит, старуху. Вспрашивает, где церковный титор фетод Легонов? Подходит дочь его Винадорка. - "Иде отец?" - "В клети, после обеда отдыхает." - "Беги, зови его суда. Скажи, начальство требует..." А он через двор живет...

- Блиско, значит? - перебил урядник и быстро переглянулся с Алешкой и кучером. - Так, так... Ну, доказывай, доказывай. Ты, брат, на удивление горазд рассказывать!

Он говорил что попало, лишь бы отвлечь внимание Захара, он, вынув часы и спрятав их между коленями, передвигал стрелку еще на десять минут вперед. И Захар, с просиявшим от похвалы лицом, еще шумнее выдохнул воздух, мотнул головой, отсаживая горячий густой мех полушубка от лопаток, и загудел еще выразительнее:

- Верно! Слухай же, не перебивай, а то осерчаю... Вижу, лезет из низкой клетки приземистый старик... Идет через дорогу в избу-без шапки, в розовой новой рубахе распояской, и ворот от жары расстегнул. А из избе выходит в новой теплой поддевке, подпоясан зеленой подпояской, шапку в руках несет. Подходит. Волосы густые, седые, разложены вроде как рожки у барана, на обе стороны. С урядником, с заседателем - за ручку. (Богатый, видать, старик.) Пошушукался что-й-то с ними, показывает на Сеньку. Потом вынимает большой гаман кожаный, стал отсчитывать трехрублевки обмороженными култышками... Потом Винадорку кличет. Приказывает самовар ставить, зовет к себе урядника и заседателя чай пить "Приходите мою охоту посмотреть, пчел моих, и какую я себе посуду завел. А еще кобылку мою гляньте. Ну, ясна, светла, - вся писаная, в яблоках!" - Смеется, морщится, гнилые корешки в красном роте показывает... "Не посмотреть, говорит, нельзя, того лошадиный закон требует. А может, и сторгуемся, про что говорили- то..." И опять смеется, сипит, как змей. Пошел к избе, заскребает пыль сапогом по дороге хворсит...

- Форсит-то форсит, - опять перебил урядник, вынимая часы, - а ведь пять минут всего осталось. Тебе теперь одним духом надо допивать.

Лицо Захара сразу изменилось.

- Как? - строго крикнул он. - Да ты брешешь! Ужли цельный час прошел?

- Прошел, брат, прошел! - подхватили кучер и Алешка. Допивай, допивай!

Захардохнул, как кузнечный мех, и закрыл глаза.

- Стойте! - сказал он. - Это не ладно. Вы меня смошенничали. Дайте еще сроку полчаса. Главная вещь, я сопрел весь. Жара! Август. Черт с вами, я вам лучше сам бутылку поставлю. А вы мне сроку накиньте... Ну, хоть доказать только дайте про этот самый суд! - попросил он сумрачно.

- Ага! Покаялся! - крикнул кучер насмешливо. - Жидок на расправу!

Захаростановил на нем кровавый, тяжелый взгляд. Потом, ни слова не говоря, взял бутылку за горло, до дна опорожнил ее, с краями наполнив корец, и до дна высосал его. И, слегка задохнувшись, грубо сказал:

- Ну? Сыт ты ай нет?.. А теперь - буду доказывать! - с упрямством хмелеющего человека сказал он. - Вот ты и глянешь, напоил ты мне, али у тебе и потрохов не хватит на это...

И вдруг опять повеселели страшные глаза его, лицо опять стало важным и добродушным.

- Таперь вы обязаны слушать! - всей грудью сказал он и продолжал, но уже не так складно и хорошо. - Опосля этого вызывают знахаря, Василь Иванова. Этот совсем худой, в поддевке серой, виски вроде пеньки и борода клинушком. И еще пуще старика моршшится, - не то от солнца, не то от хитрости... шат его знает. Этот, выходит, старуху опоил. Давал ей лекарству какую-то - бывает, велел пить по маленькому стаканчику, а она и возмись глушить его большими стаканами... Вызывают его. "Как тебя зовут?" - "Был Василий". - "Кто тебе дал праву лечить, мерзавец?" А у них уж раньше, конечно, был сговор: Васька небось уж сунул им. Ну, а при народе, известно, надо же для близиру поорать. Вспрашивал, спрашивал, потом опять как закричит на него: "Скройся из глаз моих в осинник!"

Тот будто и испужался: шапку поскорее на голову - и шмыг, шмыг в осинник... Так, значит, дело и затерли. Погляделся урядник в зеркально, поправил саблю, сложил свои бумаги... "Ну, говорит, идем, что ль, к старику-то? Очень мне хочется, чтоб мерин еще отдохнул". - "А сколько сейчас время?" Вынул урядник новые часы, селебряные, глянул: "Тридцать восемь первого". "Ну, пойдете, надо его охоту посмотреть, старик добре гордится". Поднялись, пошли чай пить. А мужики остались, расселись, как вороны, на срубленных деревьях возле избе, подняли гам. Иные говорят, что не надо до продажи допускать, иные - что нельзя начальство обижать. Пуще всех какой-то худой мужик орет, срезался со стариком одним. Мужик кричит, что плохо у нас жить, по чужим странам лучше, киргизу и то способней, - у того по крайности степя аграматные... А старик кричит - у нас лучше...

Ему казалось, что он мог бы говорить без конца и все занятнее, все лучше, но, послушав его, убедившись, что дело пропало, свелось только на то, что Захар опил, объел их да еще без умолку рассказывает чепуху, кучер и урядник тронули лошадей и уехали, оборвав его на полуслове. Алешка посидел немного, поподдакивал, выпросил четыре копейки на табак и ушел на станцию. И Захар, совершенно неудовлетворенный ни количеством выпитого, ни собеседниками, остался один. Повздыхал, помотал головой, отодвигая ворот полушубка, и, чувствуя еще больший, чем прежде, прилив сил и неопределенных желаний, поднялся, зашел в винную лавку, купил бутылку и зашагал по переулку вон из села, пошел по пыльной дороге в открытом поле, в необозримом пространстве неба и желтых полей. Солнце опускалось, но еще пекло. Полушубок Захара блестел. Направо от него падала на золотистое пересохшее жнивье большая тень с сиянием вокруг головы. Сдвинув горячую шапку на затылок,

заложив руки назад, под полушубок, Захар твердо ступал по твердой под слоем пыли земле, не мигая, как орел, смотрел то на солнце, то на широко раскрывшийся после косьбы степной простор, похожий на простор песчаной пустыни, на раскинутые по нем несметные копны, похожие вдали на гусениц, - и по горизонтам, по копнам мелькали перед его кровавыми, слезящимися глазами несметные круги - малиновые, фиолетовые и малахитовые. "А все-таки я пьян!" - думал он, чувствуя, как замирает и бьет в голову сердце. Но это ничуть не мешало ему надеяться, что еще будет нынче что-то необыкновенное. Он останавливался, пил и закрывал глаза. Ах, хорошо! Хорошо жить, но только непременно надо сделать что-нибудь удивительное! И опять широко озирает горизонты. Он смотрел на небо - и вся душа его, и насмешливая и наивная, полна была жажды подвига. Человек он особенный, он твердо знал это, но что путного сделал он на своем веку, в чем проявил свои силы? Да ни в чем, ни в чем! Старуху пронес однажды на руках верст пять... Да об этом даже и толковать смешно: он бы мог десяток таких старух донести куда угодно.

Воображение его, жадное во хмелю до картин, требовало работы. Он шагал все шире, твердо решив не дать солнцу обогнать себя, - дойти до Жилова раньше, чем оно сядет, - и думал, думал... Бутылка подходила к концу. И он чувствовал, что необходимо выпить еще маленько - у хромого мещанина, сидельца в Жильской винной лавке, на большой дороге. Солнце опускалось; на смену ему поднимался с востока полный месяц, бледный, как облачко, на ровной сухой синеве небосклона. Чуть уловимый, по-вечернему душистый дымок тянул откуда-то в остывающем воздухе; оранжево краснели лучи, сыпавшиеся слева по колкому сквозному жнивью, краснела пыль, поднимаемая сапогами Захара, от каждой копны, от каждой татарки,

от каждой былинки тянулась тень. "Да нет, шалишь, не обгонишь, - думал Захар, поглядывая на солнце, вытирая пот со лба и вспоминая то битюга-жеребца, которого за передние ноги поднял он однажды на ярмарке, заспорив о силе с мещанами, то литой чугунный привод, который выволок он прошлым летом из риги на гумне барина Хомутова, то эту нищую старуху, которую ташил он на руках, не обращая внимания на ее страх и мольбы отпустить душу на покаяние. Остановясь, раздвинув ноги, от которых столбами пала тень на жнивье, Захар вынул из глубокого кармана полушубка бутылку, глянул на нее против солнца и весело ухмыльнулся, увидав, что и бутылка и водка в ней зарозовели. Закинув голову, он вылил водку в разинутый рот, не касаясь бутылки губами, и хотел было запустить ее выше самого высокого, самого легкого дымчатого облачка в глубине неба. Но, подумав, удержался: - и так израсходовался! - сунул бутылку в карман и опять зашагал, с удовольствием вспоминая старуху.

"Ах, расчудесная была старуха!" - думал он, глядя то на солнце, то на сереющие за дальними копнами избы. Шел он недавно по паровому полю. Глядь, лежит на сухой навозной куче старуха-побирушка и стонет. Был он порядочно выпивши, и, как всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига - все равно, доброго или злого... даже, пожалуй, скорее доброго, чем злого. "Бабка! - крикнул он, быстро подходя к старухе. - Ай помираешь? Ай убил кто? Чем перед кем провинилась?" Старуха, - она была вся в лохмотьях, бледное лицо ее было в запекшейся крови, глаза закрыты, - зашевелилась и застонала. "Да что ж ты молчишь? - гаркнул Захар грозно. - Раз тебе испрашивают, можешь ты мне не отвечать? Значит, так и будешь лежать? Скотину скоро погонят - баран завалает, замучает... Вставай сию минуту!" Старуха вдруг заголосила,

взглянув на него, огромного и страшного. "Батюшка, не трожь меня! Меня и так бык закатал. Пожалей меня, несчастную!" "Не могу я тебя пожалеть! - еще грознее заорал Захар, почувствовав вдруг жалость и нежность к старухе. - Вставай, говорят тебе!" Старуха приподнялась и тотчас же опять упала и заголосила еще пуще. Тогда, не помня себя от жалости, Захар сгреб ее в охапку и почти бегом помчал к селу. Старуха, обхватив обеими руками его воловью шею, задыхаясь от запаха водки, исходившего от него, тряслась на бегу, а он, боясь заплакать, быстро бормотал, стараясь, сколь возможно, смягчить свой бас: "Да что ты? Ай очумела? Чего боишься? Молчи, - говорю тебе, молчи, ни об ком не думай! Обо всем забудь!" - "Не могу, батюшка! - отвечала старуха Никакого счастья не вижу себе, одна во всем свете, ни напитков, ни наедков сладких отроду не видала..." - "А я тебе говорю, не голоси! - говорил Захар. - Всякий свою стежку топча! У всякого своя печаль! Копти! - гаркнул он на все поле, ощутив внезапный прилив бурной радости. - Ешь солому, а хворсу не теряй! Сейчас за мое почтение доставлю тебя на хватеру! А за быка за этого тебя драть надо. Чего шатаешься, скитаешься? Зачем к стаду лезла? Тебе надо округ баб находиться. С ними ты можешь разговор поддержать. А бык, он, брат, не помилует!" - "Ох, постой, - застонала старуха, уже смеясь сквозь слезы... Всю душу вытряс..." И Захар заорал еще грозней "Бабка, молчи! А то вот шарахну тебя в ров - костей не соберешь!" И захохотал, раскрывая пасть, раскачивая старуху и делая вид, что хочет со всего размаху пустить ее с косогора...

Спина его была мокра, лицо сизо от прилива крови и потно, сердце молотами било в голову, когда, гордо глянув на мутно-малиновый шар, еще не успевший коснуться горизонта, быстро вошел он в Жилое. Было мертвенно тихо Нигде ни единой души. Ровная бледная

синева вечернего неба надо всем. Далекий лесок, темнеющий в конце лощины. Над ним полный, уже испускающий сияние месяц. Длинный, голый зеленый выгон и ряд изб вдоль него. Три огромных зеркальных пруда, а между ними. две широких навозных плотины с голыми, сухими ветлами - толстыми стволами и тонкими прутьями сучьев. На другом боку другой ряд изб И так четко все в этот короткий час между днем и ночью и контуры серых крыш, и зелень выгона, и сталь прудов. Один, слева, чуть розовеет, прочие - две зеркальных бездны, в которых точно влиты отраженный месяц и каждый ствол, каждый сучок.

- Фу, пропасти на вас нету! - шумно вздохнул Захар, приостанавливаясь. - Как подошли все!

Ему захотелось рявкнуть так, чтобы в ужасе высыпал на выгоны весь этот мелкий народишко, спрятанный по избам. "Да нет, нет, - подумал он, мотая головой, - ошалел я, пьян... Непрстойно думаю, неладно... Домой надо поскорей... Домой..."

И вдруг почувствовал такую тяжкую, такую смертельную тоску, смешанную со злобой, что даже закрыл глаза Лицо его стало котельного цвета, отделилось от русой бороды, уши вспухли от прилива крови. Как только закрылись его глаза, так сейчас же запрыгали во тьме перед ним тысячи малахитовых и багряных кругов, а сердце замерло, оборвалось - и все тело мягко ухнуло куда-то в пропасть. Ах, домой бы теперь, да в ригу, да в солому! Но, постояв, Захар открыл глаза и, вместо того, чтобы свернуть влево, на Осиновые Дворы, упорно зашагал, перейдя плотину, на большую дорогу, к винной лавке.

О, какая тоска была на этой пустынной, бесконечной дороге, в этих бледных равнинах за нею, в этот молчаливый степной вечер! Но Захар всеми силами противился тоске, говорил без умолку, пил все жаднее, чтобы переломить ее и наказать этого курчаво-рыжего,

со стоячими белыми глазами, хромого мещанина, подло и радостно засуетившегося, когда Захар предложил ему поспорить: может он, Захар, выпить еще две бутылки или нет? Винная лавка, вымазанная мелом, странно белела против блеклой синевы восточного небосклона, на котором все прозрачнее и светоносное делался круг месяца. Возле лавки стоял столик и скамейка. Мещанин в ситцевой рубахе и обтертых докрасна опойковых сапогах торчал возле стола, осев на одну ногу и касаясь земли носком другой, безобразной, с высоким подъемом, с большим каблуком, выставив костреч, и, как обезьяна, с необыкновенной ловкостью и быстротой грыз подсолнухи, не спуская своих белым с Захара. А Захар, поднимая грудь, сжимая зубы, стискивая, точно железными клещами, своими огромными пальцами край стола, облизывая сохнувшие губы, обрывая каждое слово бурным вздохом, плохо соображая, что он говорит, поминутно проваливаясь в какую-то черную пропасть, спешил, спешил досказать, как он нес старуху...

И вдруг, размахнувшись всем туловищем, быстро встал, далеко отшвырнул ногой стол вместе с зазвеневшей бутылкой и граненым стаканом и хрипло сказал:

- Слухай! Ты!

И мещанин, уже разинувший было рот, чтобы крикнуть на Захара за бесчинство, взглянув на его белосизое лицо, онемел. А Захар, собрав последние силы, не дав сердцу разорваться прежде, чем он скажет, твердо договорил:

- Слухай. Я помираю. Шабаш. Не хочу тебя под беду подводить. Я отойду. Отойду.

И твердо пошел на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнул колени - и тяжело, как бык, рухнул на спину, раскинув руки.

Эта лунная августовская ночь была жутка. Отовсюду бесшумно бежали бабы и ребятишки к кабаку;

сдержанно и тревожно переговариваясь, шли мужики. Лунный свет прозрачным дымом стоял над сухими жнивьями. А среди большой дороги белело и блестело что-то огромное, страшное: кто-то покрыл коленкором мертвое тело И босые бабы, быстро и бесшумно подходя, крестились и робко клали медяки в его возглавии.

Капри. 2. 1912

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)